

К 150-летию М.М. Пришвина

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-5-26-36

УДК 821.161.1

И.Г. Минералова

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Образ солнца в прозе М.М. Пришвина

Аннотация. Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного в рамках международной научной конференции Института мировой литературы им. А.М. Горького, посвященной 150-летию юбилею М.М. Пришвина. Исследователи наследия писателя обращали внимание на семантику образа солнца, преимущественно имея в виду знаменитую сказку-быль «Кладовая солнца» и не соотнося этот образ с теми, которые создаются им в произведениях иных этапов творческого становления. Рассмотрение названного образа позволяет и в «Кладовой солнца» засвидетельствовать значения и смыслы, не усматриваемые тогда, когда это произведение изучается вне контекста. Именно поэтому в статье анализируется повесть «Мирская чаша», долгое время находившаяся в исследовательском забвении или на периферии филологического внимания, при этом являясь знаковым произведением, отражавшим стиль культурной эпохи, по терминологии П.Н. Сакулина, наряду с «Белой гвардией» М.А. Булгакова, «Городами и годами» К.А. Федина, «Зверем из бездны» Е.Н. Чирикова. Сопоставление семантики солнца в названном произведении в сопоставлении с ее наполнением в повести-были объясняет и некоторые существенные черты в развитии мировоззрения и стиля М.М. Пришвина. Самоочевидно, что доминантным методом в работе является сравнительно-исторический, обоснованный для российской академической науки Ф.И. Буслаевым, и семасиологический подход А.А. Потемни, побуждающий обращать внимание на внутреннюю форму (образ образа, образ идеи) как слова, так и произведения. Образ солнца в творчестве М.М. Пришвина описывается и исследуется в этой статье в динамике от повести «Мирская чаша» к сказке-были «Кладовая солнца» и повести «Корабельная чаша». Это позволяет увидеть, как автор с каждым новым произведением вводит новые стилевые оттенки в семантику образа. Еще более отчетливой выписывается символический план солнца, когда мы прибегаем к сопоставлению его семантики у В.В. Розанова в «Апокалипсисе нашего времени» и творческом пути М.М. Пришвина.

Ключевые слова: семантика внутреннего монолога в литературе, символика, образ идеи Солнца у Пришвина, авторское определение жанра, композиция повестей Пришвина, художественный синтез

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Минералова И.Г. Образ солнца в прозе М.М. Пришвина // Литература в школе. 2023. № 5. С. 26–36. DOI: 10.31862/0130-3414-2023-5-26-36

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-5-26-36

I.G. Mineralova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The image of the sun in M.M. Prishvin's prose

Abstract. The article is based on the speech delivered at the international scientific conference held by A.M. Gorky Institute of World Literature, which was dedicated to the 150th anniversary of M.M. Prishvin. Researchers of the writer's legacy have mainly focused on the semantics of the image of the sun mainly in his famous fairy tale "The Pantry of the Sun" without correlating this image with those created by him on other stages of his creative development. However, analyzing the evolution of this image allows us to discover ideas and meanings that are not apparent when "The Pantry of the Sun" is analyzed out of context. Therefore, this article examines the story "Earthly Cup", which has been overlooked by philologists despite being a landmark work that reflects the style of a "cultural era", according to P.N. Sakulin's terminology, along with M.A. Bulgakov's "White Guard", K.A. Fedin's "Cities and Years", and E.N. Chirikov's "The Beast from the Abyss". Comparing the semantics of the sun in "Earthly Cup" with its content in "The Pantry of the Sun" sheds light on significant features in the development of M.M. Prishvin's worldview and style. Obviously, the dominant method used in this work is comparative-historical analysis, developed in the Russian academic science by F.I. Buslaev, and the semasiological approach of A.A. Potebnya's which encourages us to pay attention to the inner form (the image of the image, the image of the idea) of a word, as well as of a work. This article examines and analyzes the portrayal of the sun in the works of M.M. Prishvin's specifically in the progression from the story "Worldly Chalice" to the fairy tale "The Pantry of the Sun" and the story "The Ship's Thicket". By studying this evolution, we can observe how the author introduces new stylistic nuances to the meaning of the sun with each subsequent work. Furthermore, a comparison of the symbolic significance of the sun in V.V. Rozanov's "The Apocalypse of Our Time" and M.M. Prishvin's works allows a more comprehensive understanding of its symbolism.

Key words: semantics of the inner monologue in Literature, symbolism, image of the 'Sun' idea in Prishvin's works, the author's genre attribution, the composition of Prishvin's long short stories, the artistic synthesis

CITATION: Mineralova I.G. The image of the sun in M.M. Prishvin's prose. *Literature at School*. 2023. No. 5. Pp. 26–36. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2023-5-26-36

Вынесенный в название статьи вопрос может априори представляться вопросом «детским», поскольку всякий вспомнит пришвинскую знаменитую «Кладовую солнца», которая читается школьниками. Об этой сказке-были существует целая литература, не отменяющая рассмотрения образа солнца в контексте творчества М.М. Пришвина, в контексте его сравнительно объемных произведений, которые могут дать исследователю представление о динамике образа от повести «Мирская чаша», например, до «Кладовой солнца».

В истории реалистической прозы образ солнца – обязательный атрибут пейзажа, семантики внутреннего монолога героя о мироздании, авторского описания конкретных обстоятельств жизни героя. В творчестве М.М. Пришвина эта в широком смысле «пейзажная» функция образа не отменяется, и, являясь базовой, привлекает, притягивает другие, наличествующие в культурной семантике и символике эпохи, а потому раскрывает содержание произведений, кажущихся простыми, как многосоставных [5].

Небольшой этюд «Моя Родина», созданный писателем в 1945 г., определяется исследователями как природоведческий или воспитательный. И то, и другое справедливо лишь отчасти. Даже тогда, когда ребенок читает этот маленький рассказ и «погружается» в воспоминания детства писателя, в сильной позиции оказываются впечатления самого начала прочитанного: «Мать моя вставала рано,

до солнца. Я однажды встал тоже до солнца, чтобы на заре расставить силки на перепелок. Мать угостила меня чаем с молоком. Молоко это кипятилось в глиняном горшочке и сверху покрывалось румяной пенкой, а под той пенкой оно было необыкновенно вкусное, и чай от него делался прекрасным» [6]. И тут образ солнца, начала дня, света, зари, образ любящей матери и ее необыкновенного угощения, образ Родины взаимобусловлены.

С другой стороны, автор объясняет свой жизненный путь именно этим случаем, который для него самого открывает настоящий жизненный и духовный путь: «Это угощение решило *мою жизнь в хорошую сторону*: я начал вставать *до солнца*, чтобы напиться с мамой вкусного чаю. Мало-помалу я к этому утреннему вставанию так привык, что уже не мог проспять восход солнца» [Там же]. Однако ни один читатель не воспринимает это как банальное воспоминание: встречать рассвет – это стало привычным делом жизни, которое и есть открытие мира и самого себя, об этом прямо сказано в этом этюде-воспоминании. Завершается он следующим образом: «Рыбе – вода, птице – воздух, зверю – лес, степь, горы. А человеку нужна родина» [Там же]. Всякий взрослый читатель вспомнит бунинское:

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости *родному дому!*

[1, с. 365]

И эти строки, возникшие в сознании читателя, не случайны, они напомнят о Евангельских, со священными смыслами: «И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8:19). У М.М. Пришвина, как и у И.А. Бунина, но по-разному звучит мысль о месте человека в мире и мирозданье. Эти ассоциации дополняют реалистические и житейские смыслы духовными и священными, соотнося видимое и умопостигаемое с умонепостижимым, но не менее, а, может быть, более ценным.

Мысль о свете, солнце, матери, Родине, адаптированная в эту тему, адресованном детям, глубоко и даже трагически больно звучит в его повести «Мирская чаша», которая была написана в 1920 г., но издана в полном объеме только в 1991 г.

«Россия...

Или это лишь *чувство прошлого*? Но какое же у нас прошлое – народ русский в быту своем *неизменный*; история власти над русским народом и войн? Огромному большинству русского народа нет никакого дела до власти и до того, с кем он воюет; история страдания сознательной личности, или это есть история России? Да, это есть, но, когда же кончится наконец такая ужасная история, и сам *Распятый просил*, чтобы миновать ему *эту чашу*, и ему даже хотелось побыть.

Родина...» [7].

И совершенно точно пишется о Родине, о том, как понимает и чувствует ее русский писатель «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий», по словам И.С. Тургенева. В этом коротком фрагменте повести сжат объемный философский труд. Чуть позже почти теми же словами,

но уже в поэме «Россия» М.А. Волошин скажет:

Со дна души вздувалось, нагрубало
Мучительно-бесформенное чувство –
Безмерное и смутное:
Россия...

[2, с. 136]

Однако у М.М. Пришвина чувство Родины мучительно, но не бесформенно, его чувствование соотносено с историей, с судьбой и сутью народа, с собственным мировидением и, можно сказать, недоумением веры, которая всегда свет. Он продолжает: «Если бы моя далекая возлюбленная могла услышать в слове силу моей любви! Я кричу: “Ходите в свете!” – а слово эхом ко мне возвращается: “Лежите во тьме!”» [7]. И тут справедливо напомнить, с кем в диалоге, в мысленном разговоре строит он свою повесть «Мирская чаша». Если открыть последнюю работу В.В. Розанова «Апокалипсис нашего времени» (она печаталась отдельными альманахами, а в 1918 г. была издана самостоятельной книгой издательством «Версты»), то не останется сомнений, что ученик, которого связывали весьма непростые отношения с учителем, в чем-то солидаризуется с учителем, в чем-то продолжает его мысль о последних временах для России, причинах происходящего и возможностях что-то исправить в будущем.

Пришвин и Розанов сходятся в причинах гибели Родины, и для обоих ключевым в размышлениях об этом будет образ солнца. У Розанова это образ определяющий, он даже несколько глав называет «СОЛНЦЕ». Он будто бы афористически и одновременно интригующие точно обращается к читателю: «Попробуйте распять солнце, / И вы увидите – который

Бог» [10]. Постепенно эта мысль выстраивается и находит выражение в 11, 12 главах «Мирской чаши», в ее эпилоге. При этом Розанов не пересказывает и не комментирует Откровение Иоанна Богослова. Он, как и впоследствии Пришвин, побуждает читателя соразмышлять о причинах наступивших времен. И эту причину он определяет в начале первого альманаха, первый этюд которого назван «РАССЫПАННОЕ ЦАРСТВО». В этом названии нет ничего сказочного. Метафора в названии главки не должна ввести в заблуждение, просто автор напоминает: «...всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мк. 3:23-25; Лк. 11:17). т.е. в ряду причин, приведших русский мир и Россию к событиям, которые интерпретируются как конец времен, назван эгоизм, индивидуализм, когда каждый тешит свою гордыню, заботясь о личном благе, о корыстных целях и даже если не о корыстных, а просто о личных материальных благах, не думая о других, – это может стать причиной гибели всего мира – царства.

Напомним, что в «Мирской чаше» есть автобиографическое содержание (Пришвин некоторое время служил организатором и хранителем музея дворянского быта), но эти личные впечатления выводят автора повести к обобщениям, напрямую касающимся размышлений о судьбе Родины и государства (царства); не случайно, что одна из глав так и называется «Ампириный дворец» (вспомним значение слова «ампириный» – императорский), и дворец этот оказывается наполненным различными предметами, даже раритетами, но между собой никак, кажется, не связанны-

ми («дом, разделившийся сам в себе, не устоит»). Что соединяет тогда всех и вся в мире, государстве, доме? Пришвин отвечает на этот вопрос по сути молитвой: «В день грядущий, *просветли*, Господи, наше прошлое и сохрани в новом все, что было прежде хорошего, леса наши заповедные, истоки могучих рек, птиц сохрани, рыб умножь во много, верни всех зверей в леса и освободи от них душу нашу» [7]. Почему таков императив повествователя и героя «Мирской чаши»? Потому что Господь – свет миру, солнце миру, своей любовью оживляющее каждую душу и общую душу народа и Отечества. А если так, то ясной становится не просто картина, а завораживающее нас открытие духовно-душевного мира человека, светом связанного со всем сущим на земле:

«Журавль неустанно *выкликает солнце*, и видно по всему, что катится оно, спешит захватить всю черную силу и покончить с ней навсегда.

Вот оно явилось, исчез остаток бледной луны, и чуть слышен топоток под землей.

Весь серебряный в росе, показался журавль, другой, с огромными *крыльями во весь солнечный диск*, летит к нему, *сошлись и ликуются*. Тогда во всех зарослях в буйной силе все большие и малые, кто как успел, кто как догадался, твердят: «*Слава, слава*».

Солнцу великому слава!

Тут *милостью солнца* начинается *воскресение* всякой залежалой твари, каждая росинка *получает отпуск на небо* и там, соединяясь в белые, голубые и красные хороводы, дивит нас всех несказанно» [Там же].

Создается впечатление, что внутри повести писатель создает пространство Вселенской мистерии, где

объединены все, всем миром, и образ единения всего в мире благодаря солнцу открывает эпическое содержание повести. Тогда понятно, что в ней автор стремится рассказать не только о своем, личном понимании образа спасения, но и духовно-историческом. Ведь герой повести оказывается накануне смерти или в момент самой смерти, будто бы переживает свой малый Апокалипсис. И тогда, когда писал свою повесть М.М. Пришвин, понимающий через какую страшную видимую и невидимую распрю проходит народ, и сегодня, когда он преподносит читателю уроки, в которых нет противоречия, но есть разные грани вопроса, дающие нам возможность включиться в решение поставленного не писателем, а самой жизнью вопроса: «Как преодолеть распрю? Как собрать рассыпанное царство? Как возлюбить, чтоб воссияло Солнце?»

Он сокрушенно констатирует: «Все, что говорится на уроках, в будущем непременно так и станет, над всем черным хаосом восторжествует имя святое, и я мог бы даже верно начертать этот путь, но никто сейчас не будет меня слушать, время еще не пришло» [7]. По его мысли, всякая душа человеческая – своеобразное отражение солнца, света, которое человек воспринял. А что воспринял, если очень просто рассуждает:

«А кому какое дело теперь до души, – сказал босой шкраб (школьный работник – так после революции называли учителей. – И.М.), – я сам сознательно руку за душу не подыму.

– За идеи Платона и Христа?

– Голодные не могут быть христианами.

– Но христиане же часто были голодными» [Там же].

Размышление о смысле веры, о душе и свете соединены авторской мыслью в один вопрос, на который мучительно ищет ответ всякий человек, и этот ответ не может быть дан через решение почти математической головной задачи. Ответ даст со временем сама жизнь, но для этого придется пройти через тьму. Ибо только тот осознает свет, кто знает, что есть тьма и тень (так размышляет о. П. Флоренский в труде «Столп и утверждение истины») [12].

Может показаться, что, преодолевая, кажется, непреодолимое непонимание людей, автор обращается к детски чистой душе каждого, объясняя каждому его собственную душу через образ капли: «Милостью солнца росинка воды получает отпуск на небо, милостью солнца земля радуется, получая тепло, а сама земля, вернее, не земля, а суша, ее каждая частица давит другую, и если бы дать им волю, они взорвали бы весь земной шар. А связь воды совершенно иная, каждая капля не лежит, а движется и не мешает другой. Сила земная вяжет насилием, а сила солнечно-океанская освобождает, и сила эта в душе человека остается, как любовь различающая» [7]. Вспомним образ капли и земного шара из сна Пьера Безухова в «Войне и мире», который венчается мыслью Пьера: «Любить жизнь, любить Бога!...» [12, с. 202]. Это напоминание не случайно: М.М. Пришвин совершенно неожиданным образом соединяет в своих произведениях, и в «Мирской чаше», может быть, по-особенному трагическое и лирическое, поэтическое и эпическое содержание.

В связи с этим важно еще напомнить, что многие смыслы и значения излюбленных им образов не прочтываются вполне, если осмысливаются вне связи с тем, что написано

до анализируемого произведения и после его. Стиль всякого писателя – явление динамическое, развивающееся в себе самом и в контексте культуры. Вспомним его знаменитую повесть «За волшебным колобком» (1908); она ведь о слове, истоках народной жизни, о собственной душе и свете народной души. Знаковый образ прописывает тогда Пришвин: «Я увижу черную икону с красным огоньком, на которую молятся наши крестьяне. На этой таинственной и страшной иконе нет лица. Кажется, стоит показаться на ней хоть каким-нибудь очертаниям, как исчезнет обаяние, исчезнет вся притягательная сила. Но лик не показывается, и все идут туда покорные к этому черному сердцу России. Почему это кажется мне, что на этой иконе написан не бог-сын, милосердный и всепрощающий, но бог-отец, беспощадно посылающий грешников в адский огонь? Может быть, потому так, что крошечный огонек лампы на черной безликой иконе всегда отражается красным, беспокойным, зловещим пламенем. Вот что значит идти налево. Но там лес, и, быть может, потому так тянет туда мой волшебный колобок» [8]. Это ведь за 12 лет до «Мирской чаши» написано, но попытка художественно объяснить настоящее через прошлое, даже давнопрошедшее, велика у писателя: «Укажи, – говорю я, – мне, дедушка, где еще сохранилась древняя Русь, где не перевелись бабушки-задворенки, Кощеи Бессмертные и Марьи Моревны? Где еще воспеваются славные могучие богатыри?» [Там же]. Не изменяя себе, но вступая в новую трагическую российскую реальность, Пришвин будто бы раздвигает границы своего исследования до вопросов вневременного порядка, потому что душа бес-

смертна. Но не откроется ли Откровением Иоанна Богослова лютая стужа этой зимы 1918 г. в вечную стужу невозможности Рождества?

«Но вот померкла в тучах звезда, и волхвы заблудились, хотят в одну сторону – там начертана ветхая заповедь для мужа: вози! – хотят в другую – там другая заповедь: носи! – для жены, и нет никаких больше путей, как только вози и носи.

Назад вернулись волхвы, спиной к потемневшей звезде, идут по своим следам в прошлое, утерянное *возле Авраамовой хижины*, там где-то просто вьется тропа, выводя на широкий путь всех народов.

Идут назад, о, как тяжело жить, когда и волхвы идут назад по своим же следам! Скорей же, покажись из-за туч, наша звезда, освети опять дорогу волхвам. Явись, желанное слово, и свяжи неумирающей силой своей поденно утекающую в безвестность жизнь миллионов людей!» [7].

Написанное можно понять вполне только через символику Евангелия. М.М. Пришвиным этот миг выписан трагичнее, чем у К.С. Льюиса в сказочной саге «Хроники Нарнии», где «все время идет снег, и никогда не наступит Рождество». Что означает «никогда не наступит Рождество», по К.С. Льюису, по-другому, но именно об этом сказано М.М. Пришвиным? У английского писателя в произведении для детей – и детская, и вполне себе взрослая мысль: никогда не будет подарков от взрослых, но и никогда не придет Спаситель с надеждой, что нам дано будет выстрадать и войти в жизнь вечную, в мир Света.

И в миг, кажущийся безысходным, М.М. Пришвин вдруг обещает: «Голубем встрепенулась радость в груди:

или это день прибавляется, и вечером голубеют снега, и открывается тайная дверь, и в нее за крестную муку народа проходит свет голубой и готовит отцам нашим воскресение?

Свете тихий!

Но не ошибаюсь ли, какое сегодня число? Только что *прошел Спиридон-солнцеворот*. Рано, нельзя говорить, всякое лишнее слово до времени только *освещает кресты* на могилах нашей равнины, а желанное наше слово такое, чтобы от него, *как от солнца, равнина покрылась цветами*» [7].

И вновь писатель дает в этом фрагменте два плана: житейский, видимый и духовно-душевный, невидимый обычным зрением. Ведь Спиридон-солнцеворот – Спиридон Тримифунтский – святой, чья память выпадает на 25 декабря по новому стилю. Славяне же считали, что именно в этот день «солнце – на лето, зима – на мороз», зима поворачивает на весну, прибавляется день, солнца-света становится больше, а пока идет самая долгая в году ночь. Удивительное дело, как в народном сознании соединилось «поэтическое воззрение на природу» и православное мировидение. И еще: в отдельную строку вынесено «Свете тихий!» – начало одного из древнейших гимнов – молитв, которую читает на вечерне предстоятель, а тогда, когда писалась М.М. Пришвиным эта повесть, достаточно было только этого метонимического упоминания, чтобы весь гимн зазвучал: «Свѣте тѣхій Святѣя славы, безсмѣрнаго Отца Небѣснаго, Святѣаго Блаженнаго, Исусе Христѣ: *пришѣдше на запад солнца, видевше свет вечерний*, поѣм Отца, Сына, и Святѣаго Дѣуха, Бѣга. Достѣин еси во вся времена пет бѣти гласы преподѣбными, Сыне Бѣжій, живѣт дай: тѣмже мир тя славит».

150-й псалом по-другому объясняет эти же глубокие и важные для всякого верующего смыслы: «Всякое дыхание да хвалит Господа». А в финале этого поэтического фрагмента писатель создает образ не просто представляющимся «красивым», он соединяет Рождество грядущее и Воскресение Господне, когда весной цветами украшают плащаницу. Чтобы избежать упреков в «избыточном комментировании» пришвинского текста (ведь он, утверждают, не был человеком догматически верующим), скажем следующее: выносим за границы этой статьи размышления о характере веры писателя, это его личная жизнь. Здесь же невозможно не объяснить читателю, не всегда понимающему образный строй повести, какие-то важные для постижения внутренней формы повести смыслы, потому что благодаря такому построению произведения читатель вводится в пространство храма, вечерней службы и одновременно предсмертного сна-видения: «Но в эту ночь завеса открылась, и свою собственную душу увидел спящий, как чашу, из нее пили, ели и называли эту душу МИРСКОЮ ЧАШЕЙ» [Там же].

Самый финал повести создает картину, можно сказать, катарсисную. Умиравший или уже умерший, Алпатов будто бы возносится: «...наверху было ясно и солнечно, правильным крестом расположились морозные столбы вокруг солнца, как будто само Солнце было распято. Все сыпалось, все двигалось вниз, виднелась только верхняя половина лошади, а ноги совсем исчезали, и в поле далеко что-то показывалось и пряталось в поземке, какие-то серые тени с ушами, лошадь храпнула, и стало понятно, что волки. И еще черный ворон

пересек диск распятого солнца, летел из Скифии клевать грудь Прометея, держал путь на Кавказ» [7]. В этом миге разом запечатлены узнаваемые и скорбные, и очистительные времена, начала и концы со всей их многозначительной символикой. И это увидено и понято героем в миг Последних времен. Но ведь так понимает писатель скорбно и трагически состояние России и русского народа, а не только автобиографического Алпатова.

Через 25 лет после написания «Мирской чаши» М.М. Пришвин создает «Кладовую солнца» (1945), – знаменитое его произведение. Об этой, по слову автора, «сказке-были» литературоведами написано не просто много, а столько, что можно сказать «исчерпали все и обо всем написали», столько и так, что стала эта повесть, по определению литературоведов, произведением хрестоматийным, т.е. таким, что любому ребенку понятна [4, с. 208–209]. Сознвая это, внесем некоторые уточнения в уже прописываемый в нашей статье образ; тем более, что он находится в сильной позиции названия произведения. Не назвал же Пришвин свое произведение «Солнечная кладовая»! И что изменилось бы, если бы так назвал? Получается, что название произведения, авторское определение жанра указывают, помимо того, о чем исследователи уже писали, на те важные для писателя образы и смыслы, которые говорят о спасительном пути человека из «рассыпанного царства» к единству народа и страны, прошедших через горе и утраты Великой Отечественной войны, через сиротство детей – к единству, к осмысле-

нию себя в большой семье. Пройдя через распрю, ссору брата и сестры, они приходят к радости спасения и к тому, что солнечная ягода клюква чудесным образом открывает Насте (Анастасия – воскресение, воскресшая) ее собственную щедрую душу. Она решает отдать собранные ягоды детям, вывезенным из блокадного Ленинграда: ведь они нуждаются в них больше и пострадались.

«И вдруг стало свежо и бодро, как будто вся земля сразу умылась, и небо засветилось, и все деревья запахло корой своей и почками. Вот тогда как будто над всеми звуками вырвался, вылетел и все покрыл особый, торжествующий крик, похожий, как если бы все люди радостно в стройном согласии могли закричать:

– Победа, победа!

– Что это? – спросила обрадованная Настя.

– Отец говорил: это так журавли солнце встречают. Это значит, что скоро солнце взойдет.

Но солнце еще не взошло» [9, т. 1, с. 414].

Как будто бы в этом произведении речь идет о другом солнце, не похожем на то, что предстает перед читателем в «Мирской чаше». Это только на первый взгляд может так показаться и именно потому, что в повести 1920 г. встает солнце Апокалипсиса, а здесь солнце Воскресения: и потому что события разворачиваются весной, и потому что преодолены страдания и утраты, и един мир взрослых и детей, едины павшие за Родину и те, кто спрятался было в свою скорлупку одиночества, и вдруг, вспомнив все, чего и помнишь не можешь, открываешь в себе самом солнце доброты, способное согреть других. «Вот какие богатства скрыты в наших болотах!

А многие до сих пор только и знают об этих великих кладовых Солнца, что в них будто бы черти живут: все это вздор, и никаких нет в болоте чертей» [9, т. 1, с. 445], – не без юмора заключает автор, явно адаптируя серьезный разговор о душе, о Родине, о сложных философских вопросах для детей, так что *sapienti sat* (умному достаточно).

Это становится самоочевидным тогда, когда прочтешь повесть «Корабельная чаша» (1953). В ней читатель вновь встретится с Настей и Митрашей, Антипычем, другими героями. Велик соблазн начать пересказывать, но, думаю, и взрослым и детям хорошо бы прочитать ее; тем более, что сквозной вопрос, который задают в повести и взрослые и дети: одна ли правда на всех? единственна ли истина? А вопрос этот имеет прямое отношение к солнцу правды. Дети, отправившиеся искать отца, который, по слухам, должен быть в госпитале, находят его: «В эту минуту солнце вышло из облаков, и свет великий, могучий, огромный бросился на поляну.

– Ну, герои, здравствуйте! – сказал отец, и дети бросились к нему.

За это время все мальчики, работавшие на опушке Корабельной Чащи, собрались на Звонкой сече.

Увидав их, Веселкин приказал им закончить подсочку на смерть и положить пластыри на все раны.

Так и была спасена Корабельная Чаща, хорошими простыми людьми она была спасена» [9, т. 2, с. 446].

«Корабельная чаша» совсем не неожиданно приобретает значения «Русского леса» Л.М. Леонова, тоже в 1953 г. вышедшего, русского леса – Родины, русского народа. Образ образа и образ идеи Солнца по-разному воплощенный М.М. Пришвиным в его творчестве, очень точно и глубоко, но не художественно явлен о. Павлом Флоренским: «А из глубин души подымается нестерпимая потребность опереть себя на “Столп и утверждение Истины”, <...> не одной из истин, не частной и дробящейся истины человеческой, мятущейся и развеваемой, как прах, гонимый на горах дыханием ветра, но Истины все-целостной и веко-вечной, – Истины единой и божественной, светлой – пресветлой Истины, – той “Правды”, которая, по слову древнего поэта, есть “солнце миру”» [12].

Библиографический список

1. Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. I. М., 1987.
2. Волошин М.А. «Средоточье всех путей»: Избранные стихотворения и поэмы, проза, критика, дневники. М., 1989.
3. Минералов Ю.И. Теория художественной словесности. Поэтика и индивидуальность. М., 1999.
4. Минералова И.Г. Детская литература. М., 2023.
5. Минералова И.Г. Репутация и стиль М. Пришвина: звук, образ образа, поэтическая речь // Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного образования. Елец, 2018. С. 183–188.
6. Пришвин М.М. Моя Родина. URL: <https://mishka-knizhka.ru/rasskazy-dlya-detej/rasskazy-prishvina/moja-rodina/> (дата обращения: 15.04.2022).
7. Пришвин М.М. Мирская чаша. URL: <https://litmir.club/br/?b=242512&p=118> (дата обращения: 18.04.2023).
8. Пришвин М.М. За волшебным колобком. URL: <https://skazki.rustih.ru/mixail-prishvin-za-volshebny-m-kolobkom/> (дата обращения: 20.04.2023)

9. *Пришвин М.М.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1972.
10. *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени. URL: <https://proza.ru/2005/06/22-162> (дата обращения: 10.01.2023).
11. *Толстой Л.Н.* Война и мир: В 4 т. М., 1993.
12. *Флоренский П.* Столп и утверждение истины. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/stolp-i-utverzhdzenie-istiny/ (дата обращения: 8.01.2023).

References

1. Bunin I.A. *Sobranie sochinenij v 6 t.* [Works in 6 vols.]. Vol. 1. Moscow, 1987.
2. Voloshin M. «Sredotochye vsekh putej»: Izbrannye stihotvoreniya i poemu, proza, kritika, dnevniki [«The center of all paths»: Selected poetry and poems, prose, criticism, diaries]. Moscow, 1989.
3. Mineralov Yu.I. *Teoriya hudozhestvennoj slovesnosti. Poetika i individualnost* [Theory of artistic literature. Poetics and individuality]. Moscow, 1999.
4. Mineralova I.G. *Detskaya literatura* [Children's literature]. Moscow, 2023.
5. Mineralova I.G. Reputation and style of M. Prishvin: sound, image, poetic speech. *Tvorcheskoe nasledie Mihaila Prishvina v sisteme sovremennogo gumanitarnogo obrazovaniya*. Elec, 2018. Pp. 183–188. (In Rus.)
6. Prishvin M.M. *Moya Rodina* [My motherland]. URL: <https://mishka-knizhka.ru/rasskazy-dlya-detej/rasskazy-prishvina/moja-rodina/>
7. Prishvin M.M. *Mirskaya chasha* [World's cup]. URL: <https://litmir.club/br/?b=242512&p=118>
8. Prishvin M.M. *Za volshebnyim kolobkom* [Behind the magic bun]. URL: <https://skazki.rustih.ru/mixail-prishvin-za-volshebnyim-kolobkom/>
9. Prishvin M.M. *Izbrannye proizvedeniya v 2 t.* [Selected works in 2 vols.]. Moscow, 1972.
10. *Rozanov V.V.* Apokalipsis nashego vremeni [Apocalypse of our time]. URL: <https://proza.ru/2005/06/22-162>
11. *Tolstoy L.N.* *Vojna i mir* [War and Peace]. In 4 vols. Moscow, 1993.
12. *Florenskij P.* *Stolp i utverzhdzenie istiny* [Pillar and the affirmation of truth]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/stolp-i-utverzhdzenie-istiny/

Статья поступила в редакцию 10.06.2023, принята к публикации 31.08.2023
The article was received on 10.06.2023, accepted for publication 31.08.2023

Сведения об авторе / About the author

Минералова Ирина Георгиевна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Irina G. Mineralova – ScD in Philology (Literature), Full-Professor; Professor at the Department of Russian literature of the XX–XXI centuries, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: ig.mineralova@mpgu.su